

Пелагия Громова

ДЫМ И амбра

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Пелагия Гроомова

Дым и амбра

«Автор»

2026

Громова П.

Дым и амбра / П. Громова — «Автор», 2026

Три рассказа, три одержимости. Героини цикла не знакомы друг с другом, но все они дышат одним воздухом — смесью страсти, утраты и запретного желания. Вдова, потерявшая мужа и узнавшая о его двойной жизни; парфюмер, утратившая обоняние и получившая его обратно ценой прошлого; беженка, расследующая военное преступление через запах жасмина. В центре каждого сюжета — аромат, который становится компасом: ладан и амбра, имбирь и кожа, пепел и жасмин. Героини проходят через боль, предательство и саморазрушение, чтобы на выходе обрести либо смерть, либо искусство, либо свободу. Цикл о том, как запах может быть любовью, ложью и приговором.

© Громова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Страсть	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Пелагия Громова

Дым и амбра

Страсть

Она проснулась от запаха.

Где-то на границе сна и яви, в той тонкой щели, где ещё возможно невозможное, пахло терпкой зеленью элемеи и горьковатой цедрой померанца, смешанной с тенью ладана. И тёплая амбра с мускусным подшёрстком — его кожа, нагретая солнцем и желанием. Она втянула воздух жадно, до боли в ноздрях. Ничего. Пахло пылью. Пахло одиночеством.

Четыре дня после похорон. Апрель сошёл с ума — утром ледяной ветер, днём солнце плавало асфальт, к ночи опять холод. Природа металась в лихорадке, и Ангелика Романовна металась вместе с ней. Для него она всегда была Аликой — с ударением на «и», с коротким, почти музыкальным выдохом, который он посылал ей через всю комнату: «Алика, иди ко мне». Теперь этот звук остался только в памяти.

Атласная пижама тёмно-зелёного цвета с золотой окантовкой прилипла к спине — влажная, горячая, пахнущая её собственным телом, уже изменившим свой запах после его смерти. Она повернула голову. Рядом — пустая половина кровати. Его подушка ещё хранила вмятие от головы. Если зарыться лицом в эту ямку, можно уловить остаточный шлейф — себум, волосы, он. Она не позволяла менять бельё. Стирка означала бы, что она вычёркивает его из жизни. Предаёт.

— Саша.

Она вышла в коридор, провела ладонью по платиновым волосам, убирая их с влажного лба. Босиком. Пальцы коснулись холодного паркета. От доски пахло мастикой — химический, искусственный запах, которым полы натирали ещё при нём. Теперь этот запах будет всегда напоминать о том утре, когда его тело вынесли из дома. Его тело. Которое пахло жизнью, а потом перестало.

Вешалка. Его пальто из кашемира. Она прижалась лицом к рукаву и вдохнула глубоко, до спазма в горле. Вишнёвый табак — он курил трубку по вечерам, и этот сладковатый, тяжёлый дым вьелся в ткань навсегда. Щётка для обуви на тумбе — от неё тянуло кожаным кремом. Невыключенный ночник.

Четыре дня. Как. Он. Умер.

Ноги подкосились. Она села на пол, оперлась спиной о дверной косяк. Дерево пахло лаком и временем. Прижалась щекой — холодно. Хорошо. Физическая боль хоть как-то перебивала ту, другую, которая жила внутри. Слезы закончились вчера. Теперь из неё сочилось только сухое, горячее отчаяние. Остались: боль, бессмыслица и стены.

За два месяца до дня X

В ресторане пахло белыми лилиями — приторно, почти кладбищенски, хотя она тогда этого ещё не знала. Он сидел напротив. Александр Владимирович Гласный. Её Саша. За плечами десятилетия, а глаза — цыганские, бездонные, с золотыми искрами у зрачка — горели, как у молодого. И он перебивал лилии собой.

Он чуть наклонился через стол — и её накрыла волна его аромата. Она знала его до последней молекулы: верхние ноты — терпкий померанцевый цвет и зелёная, чуть смолистая свежесть элемеи, разбавленные пряным кардамоном; сердце — дымный ладан, строгий лавандовый абсолют и настой чёрного чая, как воспоминание о долгих беседах; база — гаитянский ветивер, выделанная кожа и амбра с мускусным подшёрстком, тёплая, как живое тело. И под

всем этим — он сам. Его химия. Его пот, который она узнала бы из миллиона мужчин. Он пах так же, как десятилетия назад, — властно, обещающе, навсегда.

Его карие глаза изучали её лицо с жадностью коллекционера, нашедшего утраченный шедевр. Его пальцы, пахнувшие табаком и кожей бумажника, накрыли её ладонь.

— Ты сегодня невероятная, — сказал он. — Пахнешь так, будто мы только что встретились.

Она улыбнулась. Её собственный аромат — флакон в виде гранёной слезы из горного хрусталя, с пробкой из чёрного оникса, — сидел на запястьях и за ушами: верхние ноты — прохладный итальянский бергамот и розовый перец, искрящийся, как шампанское на коже; сердце — благородный корень ириса, маслянистый, пудровый, с оттенком горьковатого миндаля, и тёмная, почти чёрная роза, распустившаяся в полночь; база — влажный дубовый мох, тёплая амбра и сандаловое молоко, окутывающее тишиной. Он говорил, что этот запах сводит его с ума.

В тот вечер на ней был безупречный костюм цвета слоновой кости и шёлковая блуза жемчужного оттенка, на ногах — классические лодочки, в ушах — винтажные бриллиантовые гвоздики. Женщина, привыкшая к власти и вниманию, но никогда не выставлявшая это напоказ.

— Я хочу тебя, — прошептал он, наклоняясь ближе. Его дыхание коснулось её виска: кофе, коньяк, желание.

Они сели в такси и поехали в гостиницу.

В машине их запахи смешались. Её ирис и чёрная роза с его ладаном и ветивером. Этот коктейль был их личным наркотиком. Его рука лежала на её колене, и даже через ткань брюк она чувствовала жар. Она положила свою ладонь поверх его и сжала. Так они ехали — молча, дыша друг другом.

В номере пахло крахмальным бельём и кондиционированным воздухом. Но они быстро перебили всё своим запахом.

Он целовал её плечи, шею, ключицы. Там, где касались его губы, оставался влажный след, который мгновенно начинал пахнуть им. Она вдыхала запах его кожи за ухом — там, где пульс, где горячее всего, где его аромат смешивался с телесной химией: ветивер, амбра, мускус, Саша. Это был самый родной, самый убийственный запах на свете.

— Ты мой, — шептала она, уткнувшись носом в ямку между его ключицами. Там запах был самым концентрированным: соль, кожа, ладан, Саша. — Ты мой. Ты мой.

— Твой, — отвечал он. — Ты моя, Алика. Ты одна. Ты навсегда.

Потом, когда они, обессиленные и мокрые, лежали на смятых простынях, в номере стоял запах секса. Терпкий, солёный, тёплый. Запах жизни. Запах любви. Любви, которая не стареет.

День X

В ту среду, в середине апреля, он уходил. Пахло кофе и подгоревшим тостом. Она лежала в постели, ещё хранящая их общий ночной запах.

— Я люблю тебя, — сказал он, застёгивая запонки. Солнце подсвечивало его серебряную голову. — Знаешь, Алика, я сейчас счастливее, чем когда мы только поженились. Годы прошли, а я всё счастливее.

— Я тоже.

Он наклонился, поцеловал её в висок. Он пах зубной пастой, кофе и своим вечным ароматом — утренний, свежий, живой. Она вдохнула его. Выдохнула.

Через сорок минут он упал в прихожей. Сердце. Мгновенно. В последний миг он, наверное, вдохнул запах их дома — мастика, табак, её ирис и чёрная роза, висевшие в воздухе, — и ушёл с этим коктейлем в лёгких.

На похоронах пахло смертью. Не так, как показывают в кино. Не просто лилии и ладан. Под ними — сладковатый, приторный дух формальдегида. Воск от сотни свечей. Мокрая земля

— ночью шёл дождь, и кладбищенская почва пахла прелью, грибами, тлением. И поверх всего — цветы. Лилии, розы, хризантемы. Сотни букетов. Их запах был густым, удушающим.

Ангелика Романовна стояла у гроба в строгом чёрном платье-футляре из крепа, с единственной ниткой жемчуга, прямая, как струна. Её аромат, нанесённый машинально, пах смертью. Кожа пахла смертью. Весь мир пах смертью.

Она вдохнула мокрую землю, поднимающуюся от могилы, и подумала: «Я тоже так буду пахнуть. Скоро».

Уже отходя от могилы, она заметила в стороне, под старым дубом, незнакомую женщину с тремя детьми — два мальчика-подростка и совсем маленькая девочка на руках. Женщина не подходила, не заговаривала, просто стояла и смотрела на гроб. Ангелика машинально отметила: наверное, кто-то из бывших коллег. Мысль мелькнула и исчезла — не до чужих лиц ей было в тот момент.

В организацию, где она числилась «чтобы в трудовой что-то было написано», она вернулась через две недели. Коллеги смотрели с жалостью, смешанной с любопытством. Она сидела за столом, смотрела в монитор, и цифры расплывались. Смысла не было ни в чём. Одевалась она теперь механически: серые юбки-карандаш, белые рубашки, твидовые жакеты — безупречно, но без прежнего огонька.

В обед она стала уходить. Далеко, в кафе на соседней улице, где никто не спрашивал, как дела, и где воздух пах только кофе и выпечкой — нейтрально, безопасно. Она брала чай, садилась у окна и смотрела в никуда. На ней часто было мягкое кашемировое пальто или лёгкий плащ, элегантные балетки, шёлковый платок, повязанный небрежно, но дорого. Даже в своём горе она оставалась женщиной с безукоризненным вкусом.

Именно там её заметил Климент.

Двадцать четыре года. Студент института напротив. Высокий, с улыбкой, от которой у девочек его возраста подкашивались колени, но в глазах — что-то тревожное, внимательное. Сначала он просто сидел напротив и наблюдал за ней, но она даже не посмотрела в его сторону. Затем подошёл.

— Я вас провожу, — сказал он без нахальной игривости, скорее тихо, будто предлагал не услугу, а что-то большее.

— Я тебе в матери гожусь. Очнись, мальчик.

Он не обиделся, не ушёл. Помолчал и вдруг сказал:

— У вас духи как будто спят. На запястье почти не слышно, а за ухом — только тень. Но пахнет пустым домом. Знаете, так пахнет в квартире, откуда кто-то ушёл навсегда и где всё ещё ждут его запах. Мой отец умер два года назад. Я этот запах узнаю; из тысячи.

Ангелика Романовна вздрогнула. Не оттого, что мальчик говорил с ней о смерти, а оттого, что он попал в самое средоточие её муки — в ту зияющую обонятельную пустоту, которую она сама не могла ни объяснить, ни заполнить. Он увидел её голой — без возраста, без статуса, без защитной скорлупы. Именно это её и зацепило: не комплимент, а точное, почти врачебное попадание в болевую точку.

Она фыркнула, отвернулась. Но на следующий день он снова сидел напротив. И через день. Молчал, не навязывался. Однажды положил перед ней веточку розмарина — резкую, смолистую, совершенно чуждую её привычным ароматам.

— Это чтобы перебить пустоту, — сказал он. — На время.

Она не ответила, но веточку не выбросила. Сунула в карман, и весь день ей казалось, что рядом дышит что-то живое и совершенно незнакомое. А потом поймала себя на том, что ждёт. Ждёт его дурацкую улыбку. Ждёт его голос.

И ещё — запах. От него пахло молоком. Не одеколоном, не потом, не сигаретами. Молоком. Как от ребёнка, только что выпившего тёплый стакан. Этот запах был настолько неумест-

ным, настолько беззащитным, что у неё что-то сдвинулось внутри. Контраст между его словами (колючими, взрослыми) и этим младенческим шлейфом сводил с ума.

Однажды он принёс маленький букет полевых ромашек — нелепый, трогательный. Сказал, что хочет стать архитектором, а пока подрабатывает курьером. Она тогда впервые посмотрела на него не как на мальчика, а как на живого человека — с мечтами, с будущим, со своей собственной потерей. И от этого стало ещё большее.

А потом он ей приснился. Во сне он трогал её за плечи, и его прикосновения были нежными. Она проснулась в холодном поту. Тело, изголодавшееся по теплу и живому запаху, предательски ныло. Впервые после похорон она почувствовала не только боль, но и голод.

— Клинт Климом, — сказала она себе, но рука уже тянулась к телефону. Она сама написала ему впервые: «Где ты живёшь?» В этом прыжке было больше ярости, чем страсти, — ярости на пустоту, которую она решила выжечь чужим теплом.

Она согласилась прийти.

Его квартира пахла сыростью и дешёвым стиральным порошком. У двери валялись кроссовки, от которых тянуло резиной и улицей. На полках — пыльные учебники.

— Я не знаю, как — начал он.

— Помолчи.

Она стала расстёгивать блузку — шёлковую, кремовую, которую надела утром, ещё не зная, что вечером окажется здесь. Он приблизился — и её обдало молоком. Тёплым, родным, совершенно не мужским запахом. Он контрастировал с её ирисом и чёрной розой так резко, что на секунду ей стало смешно. А потом она легла под чужое молодое тело и закрыла глаза. Стыд и боль смешались в один ком.

Она пыталась представить, что пахнет Сашей. Что это ладан, кожа и мускус, а не молочный шлейф. Что эти руки — его руки. Но запах всё разрушал. Запах кричал: «Чужой! Чужой! Чужой!»

Было плохо. Она добежала до ванной — там пахло плесенью и сыростью, — и её вывернуло желчью, стыдом, ненавистью к себе. Она умылась холодной водой, подняла глаза к зеркалу и увидела свои глубокие голубые глаза, обведённые тёмными кругами, — красивые, но совершенно пустые.

Но потом её тело, изголодавшееся по теплу и запаху, включилось. Она перестала слышать молоко — точнее, привыкла к нему. Он стал пахнуть просто Климентом. Живым мужчиной. И однажды она застонала не от боли, а от удовольствия. Тело предало её иначе: потребовало ещё. Ангелика Романовна возненавидела себя. И вернулась на следующий день. И через день. И через неделю.

Она не любила Климента. Ни секунды. Ни вдоха. Только тело — жадное, ожившее, ненасытное — требовало забытья. После каждого раза она чувствовала себя опустошённой и грязной, но возвращалась — как наркоман, ненавидящий свою дозу. Ей было стыдно смотреть на себя в зеркало. Шёл уже конец июня, больше двух месяцев после смерти Саши, а она всё ещё стонет под чужим мальчиком. И с каждым разом просыпаться одной в своей постели становилось всё невыносимее. Врач как-то сказал, что сердце у неё «пошаливает», но она отмахнулась. Теперь же иногда чувствовала, как оно вдруг замирает на долю секунды, а потом бьётся тяжело, с перебойми, отдавая в горло и левую руку, — то ли от горя, то ли от стыда.

А потом позвонила та женщина.

Это случилось в начале июля. Ангелика Романовна только что вернулась от Климента. Ещё не смыла с кожи его молочный запах, ещё саднило внутри — и физически, и душевно. Совесь грызла её с утроенной силой. «Два с половиной месяца, — стучало в висках, — прошло два с половиной месяца, а я Саша, прости» Она сидела на краю постели в их спальне, чужая самой себе, в своей тёмно-зелёной атласной пижаме, и вдруг зазвонил телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.